

Люси Мэнган

УНЕСЕННЫЕ ЧТЕНИЕМ

Дневник книгоголика

Москва

УДК 159.9:028
ББК 88.5+83.3
М97

Lucy Mangan
BOOKISH:
How Reading Shapes Our Lives

First published in the UK by Square Peg in 2025

Перевод с английского языка *Ивана Голикова*

Разработка и оформление обложки
Миланы Корягиной и Ольги Бытко

Мэнган, Люси.

- М97 Унесенные чтением. Дневник книгоголика / Л. Мэнган ; [пер. с англ. И. Голикова]. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. — (Популярная психология для бизнеса и жизни).
ISBN 978-5-389-29668-8

Что значит быть книгоголиком? Это значит читать даже на ходу, иметь больше книг, чем можно успеть прочитать за всю жизнь, и знать, что лучшее лекарство от грусти и способ переждать непогоду — просто найти подходящую историю.

Работа, ипотека, дети, глобальные кризисы... Где искать утешения в этом безумном мире? Ответ Люси Мэнган, писательницы и журналистки, заслуженной книгоголички с сорокалетним стажем, прост — книги. Заядлому читателю стоит опасаться другого: например, сломать лодыжку (ведь отрываться от чтения нельзя даже на лестнице). В своей новой работе Люси исследует, как книги (от ромэнтэзи и антиутопий до классики и даже нон-фикшена) спасают нас во взрослой жизни, становясь нашими верными товарищами в познании тайн мироздания и принятии себя (и наших гилти плеже).

«Унесенные книгами» — признание в любви книгам, ведь именно они позволяют нам путешествовать сквозь время и пространство, проживая не одну, а тысячи жизней.

УДК 159.9:028
ББК 88.5+83.3

ISBN 978-5-389-29668-8

© Lucy Mangan, 2025
© Голиков И., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке,
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

Введение.

ЖАЖДА ЧТЕНИЯ

Нигде я не чувствую себя такой счастливой, как в книжном магазине. Или, по крайней мере, только тут я чувствую себя счастливой по-настоящему. Здесь, как нигде больше, я ощущаю покой. Мой разум успокаивается, тревоги отступают. Это настоящее волшебство. Ничто не подпитывает меня так, как время, проведенное в книжном. Библиотеки, конечно, тоже производят на меня похожий эффект, но, увы, чем старше я становлюсь, тем сильнее моя страсть к безраздельному обладанию книгами, а не простому их заимствованию.

Моя привычка к цундоку (незаменимое японское слово, обозначающее покупку книг в количествах, значительно превышающих скорость их чтения) уже давно вышла из-под контроля. Когда в 2023 году я сломала лодыжку, мои друзья и родственники первым делом решили, что я споткнулась об одну из

стопок не начатых еще книг, которыми у меня заставлен весь дом. И это несмотря на то, что книжные полки у меня висят на каждой стене, а в глубине сада выстроен отдельный домик для книг. Друзья и родственники были недалеко от истины. Дело было так. Я поднималась по лестнице, параллельно читая книгу. При этом на мне был плед с рукавами (мой любимый наряд для чтения в период с октября по май), и я запуталась в подоле. Так что шансов устоять у меня не было.

Вот что значит быть книголюбом. А еще это значит никогда не выходить из дома минимум без двух книг в сумке (одной начатой, другой нет). Собираться в отпуск, запикивая вещи в свободное от книг место, а не наоборот. Ни за что не расставаться с любимыми книгами детства, сколько бы мама/супруг/дети ни жаловались, что они занимают много места. Быть книголюбом — значит, обозревая свои книжные полки, вспоминать славные времена, проведенные с книжечкой в мягкой обложке (не забудем и о более солидных изданиях — свидетельствах былой расточительности). Вспоминать не только удовольствие от чтения, но и те моменты, когда вы искали в книгах утешение (книги Мейв Бинчи и Мисс Рид, храни вас бог за поддержку). Вы не сможете забыть и совершенно новые миры с их масштабными, мрачными, глубокими, захватывающими идеями, которые открывали вам книги (антиутопии, я про вас). Вы не забудете и те случаи, когда они давали вам возможность безопасно выразить свой гнев на мир (мы подробно обсудим терапевтический эффект романов про Джека Ричера позже). Для вас всегда будут живы моменты, когда книги помогали восстановить самообладание, когда какое-нибудь грандиозное жизненное событие

попыталось растоптать этот драгоценный актив. Я и не представляла, насколько важную роль для меня будут играть книги после рождения ребенка, и уж точно никогда бы не догадалась, что главной из них станет «Лондон» Эдварда Резерфорда. Век живи (если победим) — век учись.

Книголюбом я родилась, книголюбом умру. Не исключено, что это будет еще один несчастный случай с одеялом, а может, на меня рухнет книжная полка, когда я попытаюсь впихнуть туда очередную новинку. Или, вполне возможно, умру от восторга, когда, всем на радость, будет обнаружена и опубликована неизвестная доселе книга Вудхауса.

В детстве книги были для меня главным удовольствием. За каждой обложкой — новый мир. Не было никаких забот, которые могли бы отвлечь меня от полного погружения. Не существовало временных ограничений, которые бы мешали мне читать и перечитывать все, что я хотела, пока не выжму из книги все соки и не впитаю их в себя. Несколько лет назад я написала книгу «Книжный червь» (*Bookworm*) — искреннюю и полную благодарности оду тем уникальным, насыщенным отношениям, складывающимся с книгами в детстве. Золотой свет тех первых увлечений продолжает согревать нас и во взрослой жизни. Но по мере того как мы входим в подростковый возраст, нам свойственно откладывать на время детские увлечения, чтобы разобраться в непростом процессе становления и превращения в читающего взрослого. Новые книги находят подростков сами и становятся убежищем от оглушительного внешнего мира, особенно если мы принадлежим к категории людей, которым перспектива вечеринок, ночных

клубов, парней и секса кажется не столько соблазнительной, сколько пугающей. Перешагнув порог двадцатилетия, мы, как правило, начинаем относиться к подобным явлениям спокойней (к ночным клубам это все равно не относится), можем даже находить в них определенную прелесть, а книги тогда становятся нашими любимыми спутниками жизни, а не костылями. После тридцати, если повезет, мы встречаем того, кто понимает нас и не мешает чтению, и создаем с этим человеком семью. И в конечном итоге мы оказываемся в том возрасте, когда возвращаемся к детским книгам — чтобы прочесть их детям или внукам, а может быть, просто чтобы освежить их в памяти для самих себя.

Моя книга станет хвалебной песнью тем многочисленным сокровищам, которые я раскопала и сберегла, когда была сначала подростком, потом в двадцать-тридцать и, наконец, став матерью. Сейчас, будучи женщиной средних лет, я взираю на свои сокровища с растущим беспокойством, пытаюсь подсчитать количество книг (и постоянно сбиваясь), которые мне еще предстоит прочесть, и вероятное количество лет, оставшихся мне на это.

Некоторые из этих позже ставших любимцами книг я открыла при обстоятельствах, предвещавших мало интересного — например, обязательная школьная программа или, несколько десятилетий спустя, изоляция из-за коронавируса. Некоторые книги мне рекомендовали и дарили друзья (когда я научилась их заводить), и глядя на эти издания, я вспоминаю не только рассказанные в них удивительные истории, но и встречи с их замечательными дарителями. Многие были куплены по рекомендации человека,

который стал (и остается до сих пор) моим мужем. Его потворство моей зависимости стало прочным основанием нашего брака. Еще есть книги, отданные мне на вычитку, — огромный плюс работы журналистом и писателем. Будучи ребенком, я и не думала, что смогу заниматься подобным. А некоторые книги принадлежат моему покойному отцу, и все мы знаем, как дороги такие памятные вещи, лучше всего олицетворяющие людей, которых нам не хватает. И многие, многие другие были просто... подобраны на жизненном пути, уже не помню при каких обстоятельствах, но я храню их, пока они мне нужны.

«Читай, чтобы жить», — сказал однажды в письме Флобер, обращаясь к мадемуазель де Шантепи¹ и всем нам. На жизненном пути я осознала, насколько глубока эта мудрость. Чтение, с одной стороны, толкало меня в мир (часто на поиски новых книг), с другой стороны, открывало мир мне, помогая понять людей по-новому. Если мы перестанем читать, перестанем ставить себя на место других людей, перестанем учитывать их ситуации, отношения, реакции, выборы и моральные принципы, перестанем развивать наше воображение, задавать себе вопросы «А что, если?...» и «Что бы я сделала?...», тоотрежем себя от внутреннего развития, поиска, приключений — особенно в то время, когда внешнему миру тоже свойственно закрываться. Жизнь взрослого человека сегодня полна забот, сложностей и требует много сил. А когда к этому

¹ Мари-Софи Леруайе де Шантепи (1800–1888) — французская аристократка, меценат и писательница. С Гюставом Флобером состояла в переписке на протяжении 19 лет. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

добавляется еще и пандемия и дистанционное обучение, тогда вообще туши свет.

Ответственность, нехватка времени, обязанности и давление, которых становится все больше в нашей жизни с появлением работы, семьи, детей и прочих... эээ, ну, давайте дипломатично назовем это «приятными обязательствами», отношения с книгами претерпевают изменения. Эксперименты с различными жанрами или решимость дочитать каждую книгу любой ценой отступают на второй план. Но сама любовь к чтению остается неизменной. Вы понимаете это, когда каждый год по традиции перед отпуском близкие жалуются на количество книг в вашем чемодане, а вы объясняете (хвала вашему терпению), что книг много не бывает. Да, вы берете больше, чем сможете прочесть за две недели, но недостаточно, чтобы учесть все возможные неожиданности, настроения (а что, если вы попадете в заброшенный собор и вам нужна будет именно сага Кена Фоллетта о Солсбери?¹). А погружение в лабиринты неожиданного контента, далекого от исходного запроса, когда надо проверить что-то в книге или найти определенную фразу? А погодные условия (трехдневный ливень полностью меняет график чтения), болезни (выбор книг для пляжа внезапно становится неактуальным, но вы без проблем переходите к утешительным книгам, спрятанным в ручной

¹ Кен Фоллетт (1949 г.) — британский писатель. Известность получил благодаря шпионскому роману «Игольное ушко». В данном случае Люси Менган намекает на его цикл «Кингзбридж» — о жизни вымышленного городка, прототипом которого и стал Солсбери.

клади в последний момент) и все остальные переменные, от которых зависит ваше читательское настроение? «На самом деле, — думаете вы, — скажите спасибо за то, что я вообще согласилась уехать на такое расстояние от своих книжных полок».

Повзрослев, вы осознаете, что готовы пойти на многое, чтобы выделить необходимое время (именно необходимое — свободного уже нет и, вероятно, не будет, если только ваши пенсионные накопления значительно не превышают мои) для потребления того, что вам так жизненно необходимо. Вы понимаете, от чего вы готовы отказаться (дела по дому, детские поделки по ЦЗО, общение с абы кем) ради защиты отношений, которые всегда были центральными в вашем существовании. И — когда случаются действительно крупные события — вы понимаете, насколько это время бесценно.

«Унесенные чтением» начинается там, где кончается «Книжный червь» — с того момента, как я вступаю в подростковый возраст, — и подводит нас к настоящему, когда мне только что стукнуло пятьдесят, я вымотана, у меня есть муж, тринадцатилетний сын, семнадцатилетний кот и домик для книг в глубине сада, который, надеюсь, поможет справиться со всем этим.

Далее я буду расточать похвалы тому, что многие могут счесть довольно эклектичным выбором книг: от Чосера до Мейв Бинчи, от «1984» Джорджа Оруэлла до «Кружев» Ширли Конран и другим, казалось бы, неочевидным обитателям прикроватной тумбочки. Причина следующая: если я и делала что-то правильно в своей жизни, так это то, что я всегда читала для удовольствия и никогда не стремилась впечатлеть других или следить за списками бестселлеров и Букеров.

Если вы выбираете книги без предрассудков или снобизма, вы свободны: свободны наслаждаться всем, что встречается на вашем пути и делает вас счастливыми, вместо того чтобы зависеть от чужого мнения. Хотелось бы мне в прошлом так же легко применять этот урок в других сферах жизни — выборе работы и парней. Почему-то еще приходит на ум горький шоколад. Но, по крайней мере, слава богу, я поняла это с самого начала в отношениях с книгами, и они были неизменным источником радости всю мою жизнь.

Возможно, вам повезло, как мне, и вы всегда испытывали такую же радость от книг. Если нет, пожалуйста, читайте дальше, и, возможно, я — и Уинстон Смит, «Жена из Бата»¹, Эшлинг², Пэган, Максин³ и другие — сможем помочь вам встать на этот путь. Если и есть недостаток у книголюбов, так это то, что мы не склонны на каждом шагу кричать о нашем самом главном удовольствии. Из-за этого мы порой не находим близких нам по духу людей так же рано, как те, кто предпочитает более шумные или публичные увлечения. Я надеюсь, что моя книга найдет вас. Мы — большое разбросанное по миру братство, единомышленники, молчаливые полчища заядлых читателей. Давайте же отправимся в путь вместе и в то же время в одиночку, именно так, как мы любим.

¹ Персонаж одного из самых известных «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера. — *Прим. пер.*

² Серия романов Эмер Маклисагт и Сары Брин. — *Прим. пер.*

³ Пэган и Максин — персонажи романа Ширли Конран «Кружево». — *Прим. пер.*

Глава 1

МУХИ, КРЫСЫ И АДРИАН МОУЛ: О КНИГАХ, ОПРЕДЕЛИВШИХ ДЕТСТВО

Тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год. Маргарет Тэтчер недавно стала самым несменяемым премьер-министром столетия на посту. Министерство здравоохранения охвачено неразберихой. Порты Англии парализованы забастовкой рабочих. Но мне четырнадцать, и у меня настоящие проблемы.

«Посмотрите на это, — кричу я, стоя посреди гостиной и размахивая перед родителями листом бумаги формата А4. — Просто посмотрите на это! — Я в ярости. В отличие от большинства четырнадцатилетних мне это не свойственно: до гормональных бурь еще далеко. Я, по сути, спокойна как слон. Но даже слона можно вывести из себя. — Они хотят, — объясняю я, понижая голос до яростного шепота, — заставить меня читать!»

Вечный двигатель, также известный как моя мама, на мгновение отвлекается от выравнивания дверного

косяка — небольшая асимметрия оскорбила ее чувство прекрасного, — чтобы уделить время моим бедам. Моя сестра — точная копия моей матери по внешности и рвению все делать своими руками (плюс устрашающий математический склад ума и энергичность) — отрывает взгляд от экрана допотопного (по современным меркам) компьютера, приобретенного несколько лет назад, пока пытается взломать Пентагон. На эту коробку из бежевого пластика, считавшуюся новейшей технологией того времени, современные дети посмотрели бы сейчас с таким же недоумением, как мы смотрели тогда на антикварный зоотроп¹. Папа, человек, которого бы даже отшельники сочли нелюдимым, не отвлекается от своей книги. Ситуация этого не заслуживает.

«Ну и в чем дело? — спрашивает сестра. — Ты только и делаешь, что читаешь. Ты воплощение скуки».

«Она права, — говорит мама. — Но ты не скучная — просто слишком тихая, медлительная, ленивая и непрактичная, — но любовь к чтению у тебя не отнять. А кто тебя заставляет? Объясняй давай, мне некогда, мне еще машину чинить».

«Учителя, — говорю, — для экзамена по английскому. Нам дали список книг. Читать мне нравится. Но мне не нравится, когда меня заставляют читать. И я определенно не хочу сдавать экзамены по тому, что я прочла».

¹ Зоотроп — устройство для демонстрации движущихся картинок, похож на вращающийся барабан с отверстиями, на внутренней стороне которого размещали по кругу ленту с картинками.

«Идиотка», — говорит моя сестра, возвращаясь к своему несговорчивому коду, компьютер начинает трястись, тарахтеть и дымиться.

«Это действительно довольно глупо», — соглашается мама и вновь берется за свои инструменты, готовясь продолжить работу.

«Вовсе нет, — наконец-то подал голос папа, — ограничение свободы всегда дается нелегко. Вспомни, каково тебе, дорогая, когда ты сдаешь машину на техобслуживание».

«Да я убить готова», — говорит мама.

«Вот именно. А сейчас безграничная свобода нашего первенца наслаждаться чтением оказалась в некоторой степени ограничена. То, что она испытывает, — это точная инверсия истории Тома Сойера с забором. С одной стороны, можно найти множество желающих помочь с решением задачи, представив ее как веселое занятие, с другой — можно оттолкнуть любителей любого занятия, введя элемент принуждения или обязательности».

«Кто такой Том?» — спрашивает моя сестра, вскрывая наш телефонный аппарат и извлекая провода и крошечную микросхему.

Папа смотрит на меня, чтобы узнать, поняла ли я. Я киваю.

«Привыкнешь, — говорит он, — в конечном итоге это даже внесет некоторый элемент... — ну, ты увидишь».

«Ты, черт возьми, должна все прочитать, — говорит мама, возвращая рубанок обратно в свой ящик с инструментами и ставя дверь обратно на петли, — экзамен по английскому — обязательный».

На самом деле это было не совсем так, как я описала. Но по сути верно. Не помню, представляла ли я, к чему приведет сдача моих первых настоящих экзаменов, которым предшествовало написание новомодных «курсовых работ» на протяжении двух лет. Но принудительное чтение было выше моего понимания.

Вскоре, однако, моя природная пассивность и послушание взяли верх — я обратилась к списку обязательного чтения. Я знала, что, по крайней мере, одна вещь останется неизменной: мои книжные спутники детства останутся рядом со мной навсегда и будут готовы предоставить мне утешение и опору, когда я стану на стезю «подобающего чтения». Весь набор классики населял полки моей спальни: «Маленькие женщины» (я все мечтала, да и сейчас мечтаю, стать такой, как Джо), «Таинственный сад» (также объект мечтаний), «Хроники Нарнии» (кому из нас не хотелось бы, чтобы за шкафом таились миры?). Также там были и менее известные и чуть более новые книги, такие как «Семья с Тупиковой улицы» (*The Family from One End Street*) (доблестная Кейт Рэггз — моя модель для подражания — такой же книголюб, окруженная шумной семьей) и лингвистически-числовые приключения Мило в «Мило и волшебная будка». Я все еще любила их всех. Блеск и очарование серии Франсин Паскаль «Школа в Ласковой Долине» еще не поблекли, как и волшебство Джуди Блум. Я по-прежнему каждый раз по уши погружалась в мир рассказов Антонии Форест о приключениях семьи Марлоу, которые случались с ними в школьные будни и на каникулах.

С замиранием сердца следила за постепенным преобразованием Уилла под крылом его опекуна в «Спокойной ночи, мистер Том» (*Goodnight Mister Tom*) или зачитывалась историей о платонической любви Тома и Хетти сквозь года и живые изгороди в «Томе и полуночном саду».

Эти книги помогали крепко держать штурвал моего корабля под названием «Эмоции», когда мы входили в неизведанные воды новой литературы (вы, возможно, догадались, что к тому моменту мы уже изучали метафоры). Название первой книги из списка было явно непривлекательным. Так же, как и обложка: монохромная, с мертвой свиной головой на палке, единственные цветные элементы обложки — красные струйки крови из глаз и рта. Тем не менее «Повелитель мух» оказался отличным выбором для знакомства с новым учителем — вскоре полюбившейся мне миссис Дженкинс. В первую очередь — в ситуации, когда вам нужно заставить тридцать незамотивированных учеников читать всю книгу вслух по очереди, — это по-настоящему захватывающий рассказ, идеальная «робинзонада». Только вместо одного Робинзона, застрявшего на пустынном острове, там целый класс. И это не опытные искатели приключений и моряки; это юные мальчики, которые борются за выживание после того, как их самолет был сбит над Тихим океаном в начале, по всей видимости, Третьей мировой войны. Все дальнейшее повествование очень и очень походило на школьную жизнь. Группа состоит из начинающих хулиганов, прирожденных жертв, неудачников, а также здесь имеются безумно харизматичные и популярные

лидеры, влияющие на настроения и действия коллектива. И внутри этого коллектива начинают формироваться группировки — это, по сути, племена.

«Окей, — подумала я в самом начале, — заинтересовали». Эпизоды выживания не были чем-то новым для опытного читателя детской фантастики начала 1980-х годов: тогда много писали о жизни после ядерной войны. Гоняться за свиньей через подросток и забивать ее до смерти? Это, друзья мои, вообще детский сад, после того как вы столкнулись с «фиолетовыми людоедами», которые бродят по страницам книги Роберта Свинделла «Земляк» (*Brother in the Land*)! И раз уж на то пошло, позвольте мне также отметить, что героиня «Z — значит Захария» Роберта О'Брайена смогла гораздо лучше обустроить свой быт, чем эта шайка. И делала она все одна, в зараженной радиоактивной пустоши, а не на острове, изобилующем дарами природы, в компании с работающими парнями.

Но, конечно, суть дебютного романа Голдинга, подумать только, — отображение того, как быстро возникает разногласие в коллективе, а между сильными и правыми вспыхивает война. Это противостояние развивается по мере того, как большинство мальчиков отказывается сначала от одежды и манер, а затем и от морали и объединяется под началом кровожадного Джека, предпочтя охоту, пиршества и веселье скучным дисциплине, собирательству и поддержанию огня. Подозрения и паранойя цветут пышным цветом, возникают безумные квазирелигиозные верования, хрупкая демократия рушится, и один мальчик чувствует, что имеет право высвободить свой

инстинкт убийцы, который — как будто говорит Голдинг — есть во всех нас, хотя у одних он гораздо ближе к поверхности, чем у других.

«Повелитель мух» мне понравился. Эта книга найдет отклик у любого пессимиста. Оно и логично, поскольку источником вдохновения послужило викторианское классическое произведение о приключениях и героизме Р. М. Баллантайна «Коралловый остров», которое Голдинг читал своим детям в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Эта ода благородным и мужественным добродетелям «золотого века оптимизма» получила новое прочтение, когда стало известно о нацистских зверствах времен Второй мировой войны. Голдинг спросил у жены, будет ли хорошей идеей написать книгу о том, что произойдет, если группа мальчиков застрянет на острове и будет вести себя как группа настоящих ребят в подобных условиях. Жена поддерживала его. Он позаимствовал имена персонажей у Баллантайна и сделал другие отсылки к книге, но история Голдинга — это ее мрачный брат-близнец, транслирующий идею о том, что если мужчинам позволить править миром без ограничений, то вскоре не останется ни большинства мужчин, ни мира, где они смогли бы доминировать.

Мне особенно полюбилась одна из последних, довольно известных, как я узнала позже, строчек. Морской офицер приходит на помощь слишком поздно и не успевает спасти бедных Саймона и Хрюшу — славных малых, которых ждала ужасная участь. «Ральф рыдал над прежней невинностью, над тем, как темна человеческая душа, над тем, как

переворачивался тогда на лету верный мудрый друг по прозвищу Хрюша»¹. Мне едва не достался этот отрывок на чтение: миссис Дженкинс обходила класс, где мы сидели по алфавиту, распределяя абзацы, и этот мог бы достаться мне. Наконец-то вся эта мучительная процедура чтения вслух возымела бы смысл — мне могли достаться эти прекрасные душераздирающие слова, они всего на несколько мгновений как будто были моими собственными. Но тут возникла Паула Малтби, которая по алфавиту шла перед Мэнган, и все испортила. Да, да, я все еще злюсь. А как мне не злиться?

Далее миссис Дженкинс сделала мощный ход, который я могу только уважать. Она решила еще сильнее сломать нашу психику, пустив ее под колеса страшных истин и антиутопических видений, и направила нас напрямиком на «1984» Джорджа Оруэлла.

Это хотя бы было знакомое название — я читала эту книгу, когда мне было десять. Думаю, папа вдохновился на покупку этого романа отчасти потому, что на дворе стоял как раз 1984 год, а отчасти потому, что я, похоже, поняла в целом суть «Скотного двора», когда он повел меня посмотреть детскую постановку этого произведения в театре.

Под «сутью» я имею в виду идею о том, что все мы — свиньи и люди, люди и свиньи — в нормальных обстоятельствах потенциально расположены ко злу. А если вы хотите нанести более изысканную

¹ *Голдинг. У. Повелитель мух / Пер. с англ. Е. Суриц. М.: АСТ, 2017.*

психотравму своим детям — сообщу, что смерть Боксера очень похожа на смерть Бэмби. Я, конечно, тогда не повернулась к папе со словами: «Боже, отец, это же аллегорическая притча, которая отражает события, приведшие к русской революции, а затем к репрессиям в Советском Союзе — немудрено, что ее написал такой убежденный социал-демократ, как Джордж Оруэлл! Что может быть более естественно, чем негодование автора по поводу слепого обожания британской интеллигенцией старика Цосифа. Это произведение, согласно программке, было написано с 1943 по 1944 год, когда Британия и Советский Союз были союзниками в борьбе против нацистской Германии». Все-таки к тому моменту я еще даже не доросла до осознания аллюзий вроде того, что Нарния и Аслан олицетворяют Рай и Христа соответственно.

Послушайте, я не сторонница цензуры, — если бы я ею была, то, вероятно, не начала бы с Оруэлла — это была бы убийственная ирония. Но мне кажется, что десять лет — это слишком юный возраст, чтобы давать в руки вашему отпрыску одну из самых жестоких антиутопий в мире (хотя это и признанный шедевр), не предупредив его ни единым словом о том, что внутри.

Вот пять вещей, которые я запомнила, прочитав «1984» Джорджа Оруэлла в возрасте десяти лет:

1. Рот человека превращается в «**массу вишневого цвета с черной дырой посередине**», когда получает удар по зубам от охранника в Министерстве любви.

Научно-популярное издание Танымал ғылыми басылым

Популярная психология для бизнеса и жизни

Люси Мэнган
УНЕСЕННЫЕ ЧТЕНИЕМ.
Дневник книгоголика

Руководитель направления *Ирина Мажаева*
Ответственный редактор *Анастасия Гусева*
Литературный редактор *Валентина Солдатова*
Технический редактор *Мариятта Караматозян*
Корректоры *Елена Бударгина, Вера Макогоненко*
Верстка *Виктор Демин*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 09.09.2026.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Garamond Premier». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 3000 экз. W-PBJ-38801-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68, БЦ «Регул», 2-й этаж Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 195112, Санкт-Петербург, Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат, Регул бизнес орталығы, 2-қабат Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+